

DOI: 10.21672/1818-510X-2021-67-2-103-108

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ, ЭТНИЧЕСКИХ И РЕЛИГИОЗНЫХ ФАКТОРОВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Гаджиев Магомедэмин Магомедрасулович, доктор политических наук, профессор
Дагестанский государственный университет
Российская Федерация, 367000, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 37
E-mail: Gadjiev.dgu@mail.ru

В статье анализируется диалектика трёх важнейших факторов идентификации человека и общества – политического, этнического и конфессионального. Они всегда неразрывно переплетены, но особенно тесно они взаимодействуют на Северном Кавказе. Обращается внимание на недопустимость недооценки ни одного из них и на вредность различных крайностей в их действии. Обосновывается, что влияние религии на этносоциальные процессы в отдельных сферах проявляется с различной степенью интенсивности. Меньше всего религиозное влияние ощутимо в производственно-экономической сфере, поскольку в ней преимущественно действуют общечеловеческие и общегосударственные механизмы. Перечислены некоторые пути оптимизации конфессионального этнического и социального-политического взаимодействия на современном этапе. Среди объективных и субъективных причин, препятствующих гармонизации взаимодействия этнических, политических и религиозных процессов в регионе, указываются отсутствие устойчивых демократических традиций и институтов гражданского общества; социальная и имущественная поляризация среди различных социальных слоёв, что приводит к практическому отсутствию «среднего» класса, являющегося надёжной опорой общества и государства; деформации в социальной структуре, связанные, прежде всего, со значительным уменьшением доли русского и русскоязычного населения.

Ключевые слова: Северный Кавказ, религия, ислам, религиозный экстремизм, салафизм, политика, этнос.

FEATURES OF THE INTERACTION OF POLITICAL, ETHNIC AND RELIGIOUS FACTORS IN THE NORTH CAUCASUS

Gadzhiiev Magomedemin M., D. Sc. (Politics), Professor
Dagestan State University
37 M. Gadzhieva Str., Makhachkala, 367000, Russian Federation
E-mail: Gadjiev.dgu@mail.ru

The article analyzes the dialectic of the three most important factors of identification of a person and society – political, ethnic and confessional. They are always inextricably intertwined, but they interact especially closely in the North Caucasus. Attention is drawn to the inadmissibility of underestimating any of them and to the harmfulness of various extremes in the action. It is proved, that the influence of religion on ethno-social processes in certain spheres is manifested with varying degrees of intensity. Religious influence is least noticeable in the financial and economic sphere, since it mainly operates universal and national mechanisms. Some ways of optimizing confessional ethnic and social interaction at the present stage are listed. Among the objective and subjective reasons, that hinder the harmonization of interaction between ethnic, political and religious processes in the region, the lack of stable democratic traditions and civil society institutions is indicated; social and property polarization among various social strata, which leads to the practical absence of the “middle” class, which is a reliable support of society and the state; deformations in the social structure, primarily associated with a significant decrease in the share of the Russian and Russian-speaking population.

Keywords: North Caucasus, religion, Islam, religious extremism, Salafism, politics, ethnicity.

В данной статье разговор пойдёт о диалектическом взаимодействии трёх определяющих векторов культурной и социально-политической идентификации народов – социально-политического, этнонационального и религиозного. Тут не должно быть крайностей, связанных, во-первых, с недооценкой религиозных факторов в этногенезе, и, во-вторых – переоценкой этого влияния, с абсолютизацией роли религиозного фактора на менталитет кавказских народов. С одной стороны, религиозный фактор в цивилизационном развитии во всём мире играл ключевую роль, начиная с крестовых походов и исламской экспансии на Запад во времена арабского халифата. Особенно была велика эта роль на Северном Кавказе, что стало

возрождаться в 90-е годы XX столетия в связи с известными социально-экономическими и духовными изменениями постсоветского периода.

Прежде всего, необходимо отметить достаточно динамичный, изменчивый характер взаимодействия политических, этнических и религиозных факторов на Северном Кавказе. В «спокойные» периоды общественного развития политические, этнические и религиозные механизмы формируют достаточно прочное единство на основе совпадения общих целей государства и институтов гражданского общества. В маргинальные же периоды общественного развития некоторые противоречия между политическим, этническим и конфессиональным обустройством общества «выплёскиваются» наружу, достигая серьёзного накала. Попробуем выделить некоторые региональные особенности действия этих трёх важнейших факторов общественной жизни.

Важно иметь в виду, что в жизни северокавказских народов и в комплексе факторов их единения религия всегда играла особую роль. Это объясняется формированием через посредство исламской религии новой *внеполитической* и *надэтнической модели северокавказской идентичности*, объединяющей большинство его народов. Представители всех политических движений и конфессий так или иначе испытывают влияние этой доминирующей в регионе модели религиозной идентичности, особенно на бытовом уровне, в практике повседневного общения. Понятно, что такая идентичность сформировалась не сразу, она имеет давние исторические корни, но события последних десятилетий и особенные социально-политические условия потребовали проявления в полной мере такого надэтнического и достаточно независимого от политических факторов регионального единения всех народов. Формированию такого надэтнической и внеполитической модели северокавказской идентичности способствовали некоторые исторические события. Таким первым историческим фактором, выдвинувшим религиозный аспект на передовые рубежи социальной и национальной консолидации, стал драматический период царской экспансии на Кавказ и начавшаяся национально-освободительная борьба кавказских народов в XIX в.

Второй такой фактор усиления роли религиозного аспекта в общественной жизни связан с распадом СССР, «парадом суверенитетов», возникновением мощных центробежных тенденций во многих российских регионах. При отсутствии единой политической воли и социально-экономической разобщённости основной консолидирующей силой у северокавказских народов утвердилась именно религия, она же стала основой для выработки идеологии и политики, оппозиционной официальной власти для большинства бывших советских республик.

Все эти и некоторые другие процессы привели к тому, что в триаде «политика – этнос – ислам» именно религия становится определяющим фактором для северокавказской социально-культурной идентификации. История много раз подтверждала, что для относительно мононациональных регионов основой для объединения становится именно этнический фактор. В условиях же северокавказской полиэтничности и многоязычия таким определяющим фактором могла стать только наднациональная идеология, каким была исламская религия. Это, во-первых.

Во-вторых, другой важной причиной выдвижения в качестве консолидирующей идеологии именно ислама является одна важная его особенность, заключающаяся в том, что он являет собой не только чисто духовно-конфессиональное и культовое образование, но и образ жизни и деятельности людей. В этих условиях, естественно, что именно ислам стал представляться в качестве определяющего механизма и культурной, и духовной, и мировоззренческой, и поведенческой идентичности и самоидентификации широких общественных слоёв.

С другой же стороны, мы не должны переоценивать значение исламского влияния на важнейшие сферы общественной жизни, особенно на этнополитические процессы. Это связано с тем, что этнонациональные механизмы идентификации людей на Северном Кавказе сложились задолго до формирования конфессиональной, тем более политической общности. К моменту проникновения иудаизма, христианства и, несколько позднее, ислама на Кавказ этносоциальный уклад, общий для многих народов, уже сложился и имел глубокие корни в повседневной жизни людей. Можно сказать, что религия в качестве существенной основы для духовной жизни, повседневного быта и общения людей, утвердилась после массовой исламизации этих народов. Естественно, что ислам не сразу утвердился в качестве определяющего фактора в формировании менталитета северокавказских народов.

Известно, что ислам первоначально возник достаточно далеко, в совершенно иных социально-политических, климатических, пространственно-географических условиях, отличных от Кавказа. Поэтому его распространение в регионе происходило достаточно болезненно и драматически. Связано это, прежде всего, что к началу исламизации народов Кавказа у них уже сложился собственный социокультурный код, на базе которого и происходила консолидация народов. Определяющим для такого кода был именно этнический, а не религиозный фактор.

Следовательно, глубинные корни межэтнического единства народов Кавказа следует искать не только и не столько в религии. Они находятся в общности культуры, быта, технологии общения, традиций, психологического склада людей, в которых родственные, дружественные, личные, куначеские и иные связи были определяющими. Исследователи считают, что северокавказские народы обладают, так называемой, полиактивной культурой, в которой определяющими являются именно эти механизмы коммуникации людей, а не абстрактные идеологические и религиозные конструкции, которые всё-таки не являются автохтонными, и оказываются утвердившимися в достаточно поздние периоды своего развития [2, с. 67].

Современные исследования по этнографии, генетике, регионоведению и другим наукам убедительно иллюстрируют психогенетическое, физиологическое и соматическое родство северокавказских этносов, связанное с приспособлением к примерно одинаковым условиям бытия и деятельности. И это имеет значительно более далекую историю своего формирования, не связанную с религией вообще и с монотеизмом и исламом в частности.

Таким образом, ислам на Кавказе представляет собой вероучение, пришедшее извне, которое было «наложено» на этнокультурный менталитет, сложившийся значительно ранее.

Проанализированное выше обстоятельство позволяет утверждать о необходимости наделения кавказского культурного социокода *самостоятельным цивилизационным статусом*, сформировавшимся достаточно автономно от религии. Как указывает В. Е. Давидович, такой особый цивилизационный статус вытекает из характера этнического менталитета, включая национальную психологию, темперамент, строгое следование горскому этикету, авторитет старейшин и аксакалов и т. д. [3, с. 47]. И несмотря на христианизацию, а позднее – исламизацию, во всем укладе северокавказских народов, особенно в высокогорных районах, сохранялись пережитки более древних верований и языческих культов, архаичные черты общественно-политической и хозяйственной жизни с существенными пережитками патриархально-родовых и общинных отношений. Это заметно даже сейчас, спустя многие столетия, у всех северокавказских народов.

Степень исламского влияния на Кавказе не следует преувеличивать ещё и потому, что до этого, в IV–VI вв., распространялось христианство, и многие народы формально считались христианскими.

К этому следует добавить, что религия всегда выполняла не только объединительные и консолидирующие функции, особенно в политических и этнокультурных процессах. Она часто не только сплачивала роды и племена в устойчивую общность, но и разъединяла их, сталкивала одних с другими, порождала рознь. Не секрет, что межплеменные и межнациональные антагонизмы, разделяющие этносы между собой, часто осуществлялись под флагом защиты «истинного» вероучения.

Конечно, сказанное выше не означает приуменьшения роли религиозного фактора в общественно-политической жизни северокавказских народов. Ощутимое влияние религии было всегда, и оно сохраняется до сих пор, хотя в разной степени в отдельных сферах. Скажем, в семейно-бытовой, в духовной сферах оно более существенно, поскольку вся обрядность и символика была упорядочена исламом в течение столетий. Что же касается экономики и производства, этих базовых для любой общности отраслей жизнедеятельности, такое влияние не столь существенно и почти не проявляется. Связано это с тем, что в стране существует единое экономическое пространство с общими финансовыми, политико-правовыми механизмами, без чего невозможно федеративное устройство полиэтнического и многоконфессионального государства.

Очевидно, что интересы действия единого хозяйственного и социально-политического организма в условиях многонационального и федеративного устройства государства диктуют некоторые важные общие требования, без соблюдения которых никакая страна не может существовать. Прежде всего, это стратегически важные общественные звенья, прежде всего,

оборона и безопасность, политическая, экономическая, производственная, финансовая и другие сферы, которые должны быть принципиально *надэтническими* и *внеконфессиональными*. Это осознают многие исламские государства и даже те, которые в последнее время взяли курс на интенсивную исламизацию всех сторон общественной жизни. Так, президент Турции Р. Эрдоган прямо заявил, что экономика и её основные составляющие, такие как производство, торговля, финансово-денежная, кредитная система и другие, должны быть независимы от религии. Поэтому исламская экономика, если даже она есть, то не должна выходить за рамки мусульманских правовых канонов [4].

Перечислим некоторые факторы, действующие на Северном Кавказе, которые прямо влияют на специфику протекания социально-политических, этнических и религиозных процессов.

Прежде всего, необходимо отметить, что в регионе достаточно трудно и противоречиво утверждаются демократические механизмы организации всей общественно-политической жизни. Горский этнокультурный менталитет в большей степени всегда был близок к восточным автократическим традициям, где всегда был высок авторитет отдельной личности. Драматические и относительно мирные периоды советского строительства, несмотря на утверждение механизмов народовластия, не устранили данного обстоятельства, а, пожалуй, только укрепили. Это объясняет незрелость демократических и гражданских отношений в регионе, доминирование административных, авторитарных методов управления всеми сторонами общественной жизни. Экономических, политических и социокультурных причин такой ситуации в северокавказских регионах множество. Укажем лишь некоторые.

Во-первых, на Северном Кавказе сильнее чувствуется социальная, а не только имущественная, поляризация общества, бросающееся в глаза расслоение людей. В социологическом измерении такая социальная поляризация говорит прежде всего об одном: у нас общественно-экономическая ситуация препятствует возникновению «среднего» класса, который, как известно, всегда являлся гарантом эффективных демократических преобразований и опорой действенного гражданского общества.

Во-вторых, причина заключается в отсутствии в республиках устойчивых, прочных традиций гражданского общества и его институтов, формирующихся по горизонтали, на началах равенства. У нас преимущественно задействована вертикальная власть, где административный аппарат управляет всеми отраслями общественно-политической жизни.

В-третьих, одной из серьёзных причин отсутствия в регионе устойчивых демократических традиций и институтов гражданского общества, является практически полное отсутствие оппозиции в политической, экономической, идеологической и культурной сферах [1]. Любое присутствие духа оппозиционности, в чём бы оно ни проявлялось, властные структуры и большинство средств массовой информации начинают оценивать как проявление экстремизма со всеми вытекающими последствиями и действуют с помощью запретительной стратегии и тактики по отношению к ним. Так было и по отношению к религии, и по оценке процессов в этносфере, и по тональности отношения к журналистам, освещающим события в оппозиционных средствах массовой информации.

Ещё одна фундаментальная причина слабости институтов гражданского общества и недостаточной развитости демократических традиций, о которых мы говорили, заключается также в определённых деформациях в социальной структуре северокавказского сообщества, в действии механизмов социальной стратификации и мобильности. Здесь прежде всего имеется в виду катастрофическое уменьшение доли русского населения, носителей христианского и немусульманского вероисповедания, среди которых преобладали квалифицированные рабочие профессии, учителя, инженеры и представители творческой интеллигенции. Особенно ощутимо уменьшение доли русского и немусульманского населения в Чечне и Ингушетии, где оно практически исчезло. О подобных деформациях в структуре северокавказского общества, приведших к резкому уменьшению русского населения и русскоязычных народов, убедительно говорится в тексте Федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России на 2014–2020 годы» [6].

Необходимо отметить, что время действия этой важной программы уже завершено, но существенных изменений в направлении увеличения доли русского и немусульманского населения не произошло, поскольку все запланированные мероприятия носили преимущественно

культурно-просветительский и пропагандистский характер, не затрагивая финансово затратных экономических и социальных преобразований.

Дошло до того, что многие северокавказские республики по причине отсутствия высококвалифицированных управленческих кадров и наличия чрезвычайно сильных коррупционных составляющих вынуждены приглашать со стороны кадры на наиболее ответственные должности. И это при том, что по количеству лиц, имеющих высшее образование, северокавказские республики впереди всей планеты. Речь также идёт об острой нехватке квалифицированных токарей, фрезеровщиков и других базовых рабочих профессий, в которых нуждается возрождающаяся промышленность в республиках. Не секрет, что основная масса этих квалифицированных специалистов состояла из русского и немусульманского населения.

Необходимо продолжить действие этой программы, а самое главное – подкрепить её соответствующими финансовыми и экономическими ресурсами, которые позволят прекратить или приостановить процесс *этноизоляции* народов Северного Кавказа, что будет способствовать социальному и экономическому прогрессу, развитию промышленности, образования, здравоохранения и крупного сельскохозяйственного производства, где традиционно было занято русское и русскоязычное население [5, с. 12].

В последнее время политические, религиозные и этнические социальные механизмы в регионе были сфокусированы на решение некоторых внутриисламских противоречий. В конце XX столетия процесс распада советской государственности привёл к резкому росту в республиках Северного Кавказа националистических тенденций, где религиозный фактор стал интенсивно использоваться для дезинтеграционных процессов, для утверждения в республиках радикальных и экстремистских движений. Особенно это стало ощутимо на примере салафизма, который в течение достаточно длительного времени эксплуатировал религиозный фактор в качестве инструмента поляризации сил в обществе, для привлечения молодёжи в деструктивные практики, ориентированные на непримиримую духовно-идеологическую борьбу с официальной властью, экстремистскую и террористическую деятельность в регионе и стране в целом.

Необходимо отметить, что распространению салафизма способствовали многие объективные обстоятельства, такие как: ухудшающаяся экономическая ситуация в республиках; имущественная и социальная поляризация в обществе; разочарование молодёжи в способности региональных властей решить проблемы трудоустройства и надёжных социальных гарантий, отсутствие надёжных социальных лифтов для профессионального и социального роста и т. д. В качестве ещё одной важной причины распространения салафизма необходимо отметить и существенные ошибки традиционного исламского духовенства в республиках. Вместо того, чтобы налаживать конструктивный внутриисламский диалог, они пошли по пути требований к властям полностью запретить всякую их деятельность, объявления всех без исключения инакомыслящих врагами общества и подлинной веры.

Векторы взаимодействия этнополитических и религиозных факторов не остаются одномерными в общественно-политической динамике. В одних условиях, особенно в некоторых республиках, этнические составляющие выдвигаются на передний план, в других – консолидирующими выступают культурные и конфессиональные механизмы.

Для иллюстрации взаимосвязи политических, этнических и религиозных процессов интересно проследить их закономерную динамику на примере сепаратизма в Чечне. В самом начале известных чеченских событий сепаратизм имел преимущественно социально-политическую подоплеку. Ислам, если и имел отношение к сепаратистским настроениям и действиям, то только свой, классический ислам, распространённый в регионе. Ситуация существенно изменяется в период Первой чеченской кампании, когда уже именно воинствующие представители салафизма начали проявлять наибольшую активность среди населения и в противостоянии с федеральными силами. Именно на базе салафитской идеологии происходили значительные изменения ареалов сепаратизма: вначале имели место исключительно местные формы сепаратизма под идеологией «Имарат Кавказ». Последующее расширение пределов действия сепаратизма, экстремизма и терроризма связано с появлением «Исламского государства», где сепаратизм обрёл уже международные масштабы.

Таким образом, произошли серьёзные метаморфозы в действии самого сепаратизма: из *этносепаратизма*, каким он был ранее, он, по мере обретения международного статуса,

преобразуется в *этнополитический* сепаратизм – экстремистское и террористическое движение, ведущее вооружённую и непримиримую борьбу с «неверными» не только в России, но и во всем мире.

Сказанное означает, что нет и не может быть «чистого» изолированного политического, религиозного или этнического экстремизма; они, как правило, действуют одновременно. И в зависимости от конкретной исторической ситуации, в качестве доминирующих, на передний план могут выдвигаться политические, этнические или религиозные лозунги и требования.

Основное содержание данной статьи можно свести к следующим тезисам:

- политические, этнические и религиозные процессы всегда выступают в неразрывном единстве;
- ислам рассматривается как надэтническая и внеполитическая составляющая современной северокавказской социальной и культурной идентичности, и в таком качестве он выступает в качестве важнейшего консолидирующего фактора в регионе;
- нельзя абсолютизировать действие религиозных механизмов, поскольку многие составляющие северокавказской идентичности сформировались задолго до распространения ислама;
- недопустимы крайности в понимании диалектики взаимодействия этнополитических и религиозных механизмов, что выражается или в недооценке, или переоценке одних, в ущерб другим. Они друг без друга не существуют; соответственно, и экстремизм не может быть чисто политическим, этническим или религиозным;
- религиозные и этнические факторы в разной степени влияют на различные сферы жизнедеятельности. В бытовой сфере, в практике межличностного общения это влияние достаточно ощутимо, а в производственной, экономической, финансовой сферах они выражены значительно слабее, что, естественно, вытекает из природы федеративного российского государства.

Список литературы

1. Агаева, М. Г. Особенности северокавказской культуры и ее влияние на региональное социально-экономическое развитие / М. Г. Агаева // Гуманитарии Юга России. – 2019. – Т. 8, № 5. – С. 238–247.
2. Билалов, М. И. Цивилизационные метаморфозы познавательной культуры / М. И. Билалов. – Москва : Academia, 2008. – 144 с.
3. Будницкая, Ю. А. Демографические и миграционные процессы, их этнокультурные особенности в субъектах Северного Кавказа : автореф. дис. ... канд. экон. наук / Ю. А. Будницкая. – Москва, 2009. – 25 с.
4. Давидович, В. Е. Существует ли кавказская цивилизация? / В. Е. Давидович // Научная мысль Кавказа. – 2000. – № 2. – С. 28–29.
5. Романов, М. Почему мы теряем Северный Кавказ? / М. Романов. – Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2013/48/pochemu-myi-teryaem-severnyij-kavkaz/>, свободный. – Яз. рус., англ.
6. Erdogan, R. The economy does not have a religion, 2018 / R. Erdogan. – Режим доступа: <http://www.ntvmsnbc.com>, свободный. – Яз. англ.

References

1. Agaeva, M. G. Osobennosti severokavkazskoy kultury i ee vliyanie na regionalnoe sotsialno-ekonomicheskoe razvitiye. Gumanitarii Yuga Rossii. [Features of the North Caucasian culture and its impact on regional socio-economic development]. *Gumanitarii Yuga Rossii* [Humanities of the South of Russia], 2019, vol. 8, no 5, pp. 238–247.
2. Bilalov, M. I. *Tsivilizatsionnye metamorfozy poznavatelnoy kulturi* [Civilizational metamorphoses of cognitive culture]. Moscow, Academia Publ. House, 2008, 144 p.
3. Budnitskaya, Yu. A. *Demograficheskie i migratsionnye protsessy, ikh etnokulturnye osobennosti v subektakh Severnogo Kavkaza* [Demographic and migration processes, their ethno-cultural features in the subjects of the North Caucasus]. Moscow, 2009, 25 p.
4. Davidovich, V. E. Sushchestvuet li kavkazskaya tsivilizatsiya? Nauchnaya mysl Kavkaza. Severo-Kavkazskiy tsentr vysshey shkoly [Does the Caucasian civilization exist?]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza* [Scientific thought of the Caucasus], 2000, no 2, pp. 42–47.
5. Romanov, M. *Pochemu my teryaem Severnyy Kavkaz?* [Why are we losing the North Caucasus?] Available at: <http://expert.ru/expert/2013/48/pochemu-myi-teryaem-severnyij-kavkaz/>.
6. Erdogan, R. *The economy does not have a religion*. Available at: <http://www.ntvmsnbc.com>.